

Двадцать второе июня 1941 года — скорбный день, перевернувший не одну судьбу. Отца у Шурочки забрали на войну в первые дни. У матери их осталось трое: сестра-десятилетка, она — пятилетка, брат трех лет и еще не рожденный ребенок.

Разрешилась им мать в октябре сорок первого. После обеда слегла вдруг, корчилась на кровати, молча кусала губы от боли. Ребятишки со страхом и непониманием смотрели на нее, усевшись на скамье у стола.

Бабушка кинулась срочно топить баню, потом туда убралась и мать, прихватив с собой какие-то тряпки и ножницы из сундука. Женщины зачем-то заперлись, не пускали детей, чего-то колдовали там. Девчонки пытались подслушивать у двери, но из бани слышны были только сдавленные стоны матери и бабушкин спокойный говор. К вечеру явились обе: мать слабая, измученная легла на топчан, устроенный в кухне. А бабушка, тоже уставшая, держала у груди сверток, улыбнулась сквозь слезы:

— Встречайте, братика Бог послал, — и уложила его на лежанку русской печи, протопленной с утра.

Шурочка сначала крутилась у кровати матери, старательно укутывала ее одеялом:

— Больно тебе, мамочка?

— Не-ет, совсем полегчало. Вот уже скоро и встану. Иди, играй, приглядывай за братиком. Надо имя ему придумать. Негоже человеку без имени.

Человек. Шурочку будто кипятком обожгло сознание: у них новый человек, пусть малюсенький, но человек, не щенок, не котенок. Она взобралась на печь и до ночи караулила новорожденного, разглядывала будто манной крупкой присыпанное красное личико, вывернутые белесые губки, морщинистый лобик. Девочка пригибалась к беспомощному свертку, от него пахло молоком и теплом. В грудь ее по капельке вливалась любовь и жалость, да так, что замирало сердечко. «Это ведь братик наш», — думалось умильно и покойно. Не заметила, как и ее сморил сон, как уснула, прижавшись к маленькому тельцу.

Разбудила ее бабушка, позвала к ужину. Мать уже встала, перепеленала маленького, покормила грудью. За столом всей семьей выбирали имя новому человечку. Сошлись на Лене — Леонидом Яковлевичем впишут в метрики.

В этот же вечер Анютка, которая уже знала грамоту, написала отцу на полевую воинскую часть о семейной новости под диктовку матери. Пускай и отец порадуется, с однополчанами поделится: два сына у него теперь и две дочки! Пусть не цадит врага — бьет супостата, и они тут дружно работают, выпестуют Леньку и его, отца, дождутся.

В эту ночь Шурочке снился хороший сон, будто гоняют они с новым братиком по полю телка. Поле зеленое-презеленое с голубенькими цветочками — незабудками прозываются, а братик эдакий беленький, красивый, с глазками-васильками, веселый мальчик, догонит теленка, а тот взбрыкнет, и бегом от него — играет, ровно ребенок.

Утром, едва разлепила сонные веки, бегом на печь, стала еще внимательнее всматриваться в личико младенца, и показался он ей таким пригожим, каких она еще отродясь не видывала. Ах, как захотелось Шурочке поделиться радостью с односельчанами. Едва позавтракав, она отправилась к соседям. Те, поприветствовали маленькую гостью, спросили, кто родился.

— Мальчик, Ленька, — расплылась Шурочка в улыбке, говорила она с придыханием, под ложечкой будто шевелился малюсенький воробышек: ее раширало от счастья.

И был ей ответ:

— Господи Боже, как мать теперь с вами одна управится — четыре рта?! Хоть бы уж прибрал его, в этакую годину родиться.

Ни жива ни мертва вышла от соседей Шурочка, перешла дорогу, решила сбегать к бабушкиной подружке Марье, но и бабка Марья сказала почти такие же слова. И встретившие ее по пути женщины и старухи, словно сговорившись, вздыхали и прочили: «Хоть бы Господь смилостивился, прибрал его».

Дома Шурочка прятала слезы на печи. Они душили ее. Личико маленького братика расплывалось, делалось неясным. Малыш вдруг шевельнулся, открыл глазки и уставился на нее, закричал, скривил ротик — искал материнский сосок. Девчонка на миг представила, что братика приберет Господь, разрыдалась уже не на шутку. На расспросы матери и бабушки едва объяснилась. Мать вытерла набежавшие слезы, бабушка вздохнула:

— Не плачь, детка, люди не со зла так говорят. Трудно теперь всем — война! А ты не бери к сердцу, будет наш Лёнька жить. Вот еще новость! Гляди-ко, нас, больших, сколько, считай: мамка да я — пара, вас трое, неуж мы малому каждый по крошке от себя не отделим? С миру по нитке — голому рубашка! Будет жить! Эвон об чем ты горевать надумала!

— Он, он... ведь родненький наш!

— Вырастет! — похлопала бабушка ее по плечу.

Шура поверила словам бабушки и успокоилась, только за маленьким с тех пор пуце глаза смотрела. И рос Лёнька на радость близким и на зло проклятой войне и Гитлеру.

Летом мать уходила в поле на целый день: полола овощи, косила сено, метала стога. Подростшая Шурочка, бывало, привяжет Лёньку на закорки и прет в поле, чтобы он грудью вволю насосался. А после, сомлевшего, опять на закорках тащит домой.

Осенью подоспели хлеба, мать в поле косила грабками¹, вязала снопы. За день на человека норма — сорок соток выкосить. Злак — это не трава, тяжело скашивать вызревшие, налитые соком хлеба. До войны мужики косили. Как встанут в ряд, любо поглядеть: «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!..»

А теперь одни бабы да ребятишки. Домой мать еле ноги приносила, едва с нормой справлялась. От надсады и недосыпания стало у нее усыхать молоко. Бабушка вышла на подмогу, косить уж не могла, снопы за дочерью вязала.

Да ведь и Лёнька уже подрос, через месяц год сравняется, шагает на своих ногах вдоль скамеек, тянет Шурочку за подол — она у него главная нянька. Анна — бабушке и матери первая помощница, и Шура в своем огороде работает, бабушка ее уже всему обучила: прополоть, полить, пасынки у табака обломать.

Рос Лёнька. Самый голодный сорок третий год пережили. Кажись, и с фронта повеселее первые весточки появились: «Гоним врага со своей земли нещадно. Победа будет, потерпите, родные!»

Лёнька не вырос — вымахал как на дрожжах, уважаемым человеком стал, не довелось только хоть одним глазком на папку взглянуть, руки его познать, не возносили они его к небу: «Расти сынок большой-пребольшой!» Сложил отец голову подо Ржевом. Только истертый казенный бланк-похоронка и мутная довоенная карточка от него остались.

А знает Леонид вкус военного хлеба и крепкое женское плечо матери, бабушки, сестер, что выпестовали его в лихие годы.

□ □

¹ Г р а б к и — коса с насаженными на косовище «рогами» для образования валка при косьбе злаковых. Один мах косой — один сноп. *Прим. автора.*